

Шла, я помню, к Сидоровым. Шла, шла... Да и думаю: дай-ка я к Дусе загляну, попроведаю. Мне как раз попутно было.

Про то, как в колхозе батрачили, мы с ней вспоминать не любим. Я на складе весовщица была, Дуся — учётчица. А бывало, что и мешки к весам вместе таскали. И в чёрных халатах, в нарукавниках одинаково надрывались с утра до ночи. Там, дорогая ты моя, нашей радости мало осталось; на окнах толсты сетки и замки на дверях пудовы... А как в невестах в клуб летели, про то посудачить можно. Всё мы счастья ждали! И обе до старости дожили, а старости — не понимаю: не хотим. Ну её ко псам...

Шла я, значит, шла... погоди! Не перебивай!.. А солнышко с утра уж такое развесёлое играло — рай небесный почти что весь видать! И воробышки вокруг меня

скачут, и кошки из травы глядят. Хороший выдалси денёк!..

И как от этого рая пресветлого попала я — в мрак, моя золотенька, до сей поры не пойму! Веришь — нет? И в мрак — и в холод! Эта сама Дуся распрекрасна — она же меня на тот свет чуть не отправила. А вся история через девок вышла.

Видала, что ль, какая мнуки две к Дусе на легковушке приезжают?

Расписные. Майка да Юлька. Обе — учёны-переучёны, грамотны-переграмотны. И юбочки на них детски, а сами — кургузеньки, как две кубышки. По двору в баушкиных калошах шлёндают.

Нет, не плохие девки, зря не скажу. И сдобны, и приветны. Только уж больно расписные; брови чёрны — до ушей.

Ну, Дуся их сразу запрягат:

— Копайте огород!

Оне — наперебой:

— Нет, бабань! У нас ногти длинные, в синий цвет крашоны, нам нельзя... Мы тебе, бабань, лучше три мешка картошки на базаре купим, тебе на зиму хватит. А сажать — не будем.

Вот как! Пускай земля травой, бурьяном позарастат, как перед смертью. Дусе-то и страшно!

Эх, она их гонит взащей:

— Ступайте на задний огород, сказала! А то я сама щас же всё перекопаю и с грудной жабой в койку лягу! Грянусь, распластуюсь на две недели, чтоб стыд вас пробрал... Токо и умеют сметану на лицо мазать да козу дразнить,

не серьёзны вы девки! И как вас в городе начальники терпят...

Теперь Майка-то — старша, мне по утру и говорит. Юлька, младша, в очках котора, на базар умелась, а Майка рукомойник под яблоней споласкиват — звякбряк! — да и говорит:

— Погляди-кось, баушка Груня, сколь у нашей бабани картошки-то в погребу с прошлого года осталось, хоть бы своровал её кто.

И я:

— Где?! Где?.. Ну-ка, где?

А сарай нараспашку стоит — весь нарасхлебьянь. И в погреб-то я слезла! Худо-бедно... Он у них глубоченнай! А лесенка никудышна, осинова, туды-суды мотатся, и ноги мои стары мотаются тоже. И как только я с неё не сверзилась, шейку бедра не сломала... Ну — приземлилась.

Майка-то в погреб заглядывает:

— Не убилась ты, баб Грунь? Что-то резко прыгнула. Я даже не ожидала.

— Да мосолки вроде целы! А суставы навихлялись. Щас отдышусь...

Ну и что ты думаешь? Этой картошки старой там — гора! А на вершине той горы, на макушке самой — яйцо!

И Майка мне сверху смеётся:

— Этот картофан, баб Грунь, мы только с краю берём. С верхушки — нельзя. А то яйцо стронется.

— И что?

— А то, что яйцо — не просто яйцо лежит. А оно заколдовано.

— А чтой-то оно у вас заколдовано?

— Бабаня так сказала. Её слово — закон!.. Это при закрытых замках, при запертых воротах, по ранней весне кто-то в погреб пробрался, да нам его и подложил. Чтобы мы дотронулись — и заколдовались.

А тут и Дуся подошла — сердита. Уж больно не любит, кто без спроса самоволит! Из сарая кричит:

— Ты что, Аграфена, по чужим погребам лазишь? И с каких пор?

Она козе воду выносила. С пустой плошкой у погреба стоит, вниз щурится — сроду моргослепа.

— А вот с таких! — из подземелья-то откликаюсь. — Дивлюсь, какую горушку ты тут настроила. И яйцо на верх приладила. Оно как звезда на кремло.

— А что ты яйцо не сняла? Взяла бы, да и сняла.

— Зачем я буду чужие яйца своими руками брать? У меня таковой привычки нету.

— Затем! Ты бы его взяла — а я бы поглядела, как тебя паралич бы расшиб. Его, заколдовано, для нас подложили, а вот ты бы это колдовство себе и сцапала. На долгу память.

Я перед картошкой сижу, на нижней перекладке примостилась, за сердце держусь, за бок хватаюсь. Ну, из подземелья вверх всё же рассуждаю — по-разному:

— Чай, ваша курица, собственна, в погреб залетела да на картошке и снеслась.

— Чтой-то ей на картошке нестись, когда гнёзды есть? — Дуся-то прям удивилась. — У моих кур в заводе такого не было. Чай им там жёстко! Зачем под землю моем курам прятаться, когда у них сарай просторнай? А кто яйцо нам подложил и на него нащёптал, я всё одно дознаюсь!

— Ну... Може, котора курица на насесте у тебя ночью крепко заснула, да с жёрдочки и свалилась. А с перепугу не удержалась: яичко на картошку сронила.

Нет! Дуся не верит. И слушать не хочет:

— Твое куры, Аграфена, что-то с насеста не падают, а мое — шлёпнутся?! Чай оне у меня сроду хорошо коготками за насест держутся и спят. Не калеки — мое куры: падать-то. Не безноги, не инвалиды.

Майка говорит:

— Ты, баушка Груня, сама из погреба вылезешь? А то я пойду Юлькину книжку читать, пока её нет.

— Вылезу! — ей кричу. — Я на полгода твоей баушки моложе. Ступай...

Ну. И Дуся фыркнула что-то — с ней ушла. Плошку наверно относить. А у меня в ихнем погребу лодыжки свело — спасу нет. Спазм, видать, приключился! Лютый спазм! От холода, что ль? Холод там — земляной, плохой. Иль от нервов? Не знай... А уж коленки-то ломит! Еле

терплю. Связки поди-ка развязались.

Ага. Дуся наверху появляются. И на краю погребца нарочно по-всякому подбочениваются, чтоб я её снизу увидала, какая она боевая. Задорна, боевая — спина коромыслом.

— Ты моложе, — говорит. — А Фёдор-то всё одно на мне женился. Не на тебе.

— Знаю я, как он на тебе женился...

— И как?

— По принуждению, вот как. Вся его родня, Дуся, тебя за это не любила и не выносит, всем известно.

Она в сарае-то и призадумалась:

— ...И у меня уж такая догадка была, — говорит. — Может, мне мстит кто? Вот этим вот яйцом? Завидоват и мстит.

— Что-то поздно спохватились — мстить-то...

Лодыжки растираю, морщусь, а беседу веду.

Она теперь наверху потопталась-потопталась — ага, с другой стороны зашла:

— А если Фёдор со мной по принуждению жил, а не по доброй воле, что же он не развёлся? Взял — да к другой бы ушёл. Котора на полгода моложе. А вот ведь не ушёл!

— Ну и раньше время помер! — из мрака-то откликаюсь. — От удачной женитьбы наверно... Везенья своего не перенёс. Да на радостях и скончался.

А Дуся прям что-то злится:

— Ты там на яйцо уставишься — иль оно тебе знакомо? Узнала ты его наверно.

И я её сначала даже не поняла.

— С твоим яйцом я, Дуся, не знакомилась. Мне оно зачем? — намёки её в голову я не беру и только по-всякому прикидываю: — А может, её, вашу курицу, напугал кто? Она спросонья-то не разобралась, да в темноте мимо гнезда и просвистала.

— ...Я, что ль, по ночам к курам бегаю и в сарае их пугаю? — опять Дуся возмущается. — У нас кур пугать некому. И не доказывай, что яйцо нам не подложено! Я лучше знаю. Меня не проведёшь.

— Петух, может, на неё ночью зачем-нибудь запрыгнул.

— И зачем?

— Ночь со днём перепутал, да и запрыгнул... А она, бедна, спросонок зашпалась. Ну и свалилась.

— Она что? Пьяна, что ль, была? Зашпалась!..

— Правильно, Дуся, я твоей курице рюмку не подносила. А это, наверно, ты кур плохо кормишь! У неё голова-то и закружилась — с твоей иканомии!

— Не знай... — Дуся-то инда отвернулась. — Никогда у меня ни одна курица в обморок не падала! А что у меня куры припадошны, то никто тебе не поверит, ни ваша улица — ни наша... И у всех петухи днём кур топчут, а мой — белены обклевалси? В потёмках по курам он шарашится, как вроде

сбрендил... Стыдно помыслить, чего ты, Груня, мне нагородила! И я — скупердяйка, и куры у нас — немощны, и петух маньяк... А я всю голову изломала — это кто же нам зла пожелал?! Уж от кого — от кого, ну от тебя, Груня, я этого не ожидала!

Нет, ты подумай! Какую пересортицу из моих слов она сотворила! Всё на свой лад перековривала, перемешала... И уж только тут догадка-то меня осенила: всю как есть — осенила, с головы до пят:

— Да уж не я ли на яйцо-то нашёптала? Так ведь выходит!

— Не знай, Аграфена, не знай. Я тебя за язык не тянула, а ты сама сказала, про свое делишки! Вот и сиди там, пока не посинешь... Юлька! Хватит с кошёлкой стоять! Закрывай-ка ворота! А то больно много к нам разного народу без дела ходит... Вроде без дела, а яйца потом — возникают! В неподходящих местах...

Я и притихла. Примолкла, знаешь. Плохое дело-то разворачивается! А ну-ка слава про меня пойдёт? Такая слава — хуже не придумаешь...

Ну. И осталась я там одна-одинёшенька. На самом дне своей жизни! И Юльку что-то мне не слышать, и Дуся испарилась — ворота позапирала, щеколдой постучала, да и ушла; куды — не знай. А я только свое чашечки растираю. Коленки мну. И до белого света допоздну или нет? Даже не загадываю... Верить? Ни одну свою ногу на лестницу поднять не могу! Оне у меня, ноги,

недействительны стали. Колдовство, что ль, на них повлияло?

И вот видишь, какие бывают люди! Меня тут у них, считай, парализовало! А они и не печалются! И эта Дуся стоеросова — не помнит, как я за неё хлопотала, когда у ней в бумагах недостача выскочила... Вот зря, наверно, заступалась! Учётчица — а мое добры дела что-то она не учитывала! И в грош их не ставит — и не ставила сроду!.. Ты погляди, чего яйцо-то выявило!

Ну, вот! Сиднем, значит, я сижу! В земляной могиле глыбокой! И дар речи из меня весь вышел... Молчу, как немтырь! Да и думаю: постой. Выберусь на солнышко — всё ей выскажу!

Голову-то задираю, задираю — а нет на верху ни разъединного человека живого. И он не намечается. Одне рожки чёрны надо мной нависли! Ба-а! Несусветны рога...

Коза её, значит, кривобока подошла. Принохивается, не уходит. Раздумывает: как эту старуху туды занесло... Ещё бы Дусина коза на меня в погреб рухнула! Хороша мне компания.

А время-то идёт!.. Ну. Слышу — звяк-бряк — кто-то руки под яблоней моет. Ага, Дуся!

— Пошла отсель! — козу-то отгонят, да мне кричит. — Ну и долго ты в нашем погребу прохладжаться думаешь? Нет, поглядите на неё, на эту Груню несчастную! Сложила ладошки на мандошке и сидит! На вожжах, что ль, тебя подымать?

Тут я не стерпела:

— А ты возьми, да крышку-то и захлопни! И замок на погреб навесь. С печатью. Чтоб я тут окочурилась. Для твоего спокойствия... На чисту воду ты меня выводить стала! На своём склоне лет. А подумала бы головой: мне твой Фёдор золотушной на кой ляд сдалси? У меня свой муж был. Не плохой... Качественной.

— Вот именно. Был — да сплыл.

Сплыл, конечно... Подхватил свою саратовску гармошку, надел фуражку-восьмиклинку назад козырьком — да и сплыл. В город Астрахань. Вниз по течению.

Тут уж мне — только с ней соглашаться:

— Твоя правда, Дуся!.. По личной жизни у меня — большой недовес.

Побегала она вокруг погребца — побегала:

— Ты там без солнца-то, наверно, скукожилась? Продрогла, что ль? А то я пойду самовар ставить. Щас чаю горячего напьюсь. С мёдом.

Ну, я с ней и разговаривать не хочу: расстроилась что-то.

Нет! Она не униматся:

— Живая ты там? Иль уж стала ты, Груня, мумия?.. Maybe, тебе стару фуфайку Фёдорову кинуть? Ты с ней обнимисси. Для тепла...

— Фуфайки не перепутай! А то — кто какую фуфайку у тебя оставлял, сослепу не разберёшь. Ты бы их надписывала, что ль... Ну, сверху-то лестницу

придерживай, Дусь. Полезу я. Щас ноги переставлю...

— Давай! Лезь! Не рассыпсися гляди, соперница грозная...

И вот, лестницу она держит и советы мне даёт, и заботу свою — проявляет:

— Выползай. Не торопись! Что ты как расщеперилась?! Раскорячилась во все стороны. Подождись чуток! Вот, вот... Ох, Аграфена! Вся ты в паутине, как шишига...

Жалет всё же меня. Жалет — подбадривает:

— Ногу-то закидывай. Ай она у тебя не гнётся? Вроде — искусственная... Ты как же спускалась? На никудышных-то ногах?

— Не знай, какой бес меня в твой погреб занёс.

— Мою руку хватай, не вихляйси!..

Ну. Выбрались мы с погребницы на солнышко. Всю меня потрясывают, покачивают, и Дусю — тоже. Сели на крылец. Она утихомирилась маленько. И только в разум свой взошла — каяться стала, Дуся-то. Каяться, виноватиться:

— Не обижайся, Аграфена! Сроду я тебя в плохом свете не подозревала, а это так: что-то мне думанулось!.. Ты уж прости! Морок меня обуял — морок страшенный! Примстилась талала не-сусветна... Прости, не обижайси. Вот, стары люди нам роптать-то не велели, а я — возроптала что-то. Прости...

Обнялись мы с ней. Я и прослезилась:

— Да, Дуся! И ты меня пропусти!

Она теперь помешкала, помешкала — и отодвинулась! От села, да мне в прищур и говорит:

— За что?

Я прям растерялась:

— Как — за что?

— Прощенье ты, Груня, про-
сишь, значит — есть за что!

— Ну... Я тоже язва хороша
бываю. Наверно.

— Это ты мне голову моро-
чишь! Не сходятся у тебя кон-
цы-то с концами, Аграфена!
Известно тебе было, что яйцо
заколдовано. И ты его, своё
яйцо, проверять лазила. И не
отпирайси.

Я прям подскочила. Тут же
решила:

— Всё, Дуся! Значит, нашей
дружке — конец! И твоих глупых
речей, Дуся, я больше слушать
не буду. И ты меня к себе теперь
уж не зови. И как помру — к гро-
бу моему близко не подходи! А
то нарочно тебе снится стану и
тебя душишь! За распоганы твои
мысли...

А она рукой машет, да подбо-
чиваются:

— Я сама кому хочешь при-
снюсь. И сама кого хочешь уду-
щу. А если яйцо не заколдовано
— что же ты, Груня, его с собой
не забрала? Забрала бы, да вон, в
Сидоров огород, через забор и за-
кинула бы! Может, у тебя и руки
бы не отвалились. Раз яйцо без
наговора.

Гляжу я на эту Дусю неужёмну
— и диву даюсь:

— Чтой-то я буду яйцами в
Сидоров огород кидать? Чужи-
ми яйцами — в чужой огород?!.
А ну-ка за забором-то Сидоров
мальчишка ходит?

— Ну и что? Яйцом ты его до
смерти не убьёшь. Мальчишку
этого. Выживет, поди-ка.

— В своём ли ты уме, Дуся?..
Да этого мальчишку — его только
вчера мать ко мне за цыганской
иглой присылала: собралась по-
сле зимы всё шерстяное переш-
топать наконец-то. А индюк наш,
пырын, на него надулси. Как за-
клокочет, как хвост распушит! Да
мальчишке на спину и взлетел.
Мальчишка, правда, молчком от-
билси, убёг с иголкой-то... Сидо-
ровы и скажут: то Грунин индюк
нашего мальчишку в маковку на-
долбил — а теперь она из чужо-
го двора яйцо в него метнула. И
может, в то само место...

— Вот. Моех кур, Груня, ты
срамила. А у вас самих индюки
как цепные собаки...

Ну, я даже в спор не вступаю:

— Ладно, — говорю. — Благо-
дарю тебя, Дуся, за тёплый при-
ём. Теперь уж десятой дорогой
твой дом буду обходить... Я ведь
и шла-то — мимо: рогатку Сидо-
ровым отдать. Мальчишка рогат-
ку у нас во дворе обронил... А к
вам уж так заглянула. По старой
памяти. А наверно, не надо было.

Тут мы обе замолчали — и друг
на дружку молчком поглядели.

— А где рогатка-то? — Дуся
спрашивает.

— Да вот, в переднике. В кар-
мане...

Опять сели — молчим. И Дуся только охат, вздыхат:

— Некуда нам будет картошку нову сыпать. Это яйцо — оно нас погребя лишило! Связало нас — по рукам и ногам! Яйцо... Ну-ка, что за рогатка?

И вот, вертит она Сидорову рогатку в руках — да на погребницу поглядывают. Поглядывают...

— Значит, не заколдовано яйцо? — щурится.

— Не заколдовано.

— А раз не заколдовано...

Тут уж я сразу вскинулась:

— Нет! И не уговаривай!... Вон, крикни девчонок, пускай они яйцо сшибают. Из этой рогатки.

— Аграфена! Им нельзя. Это на девок наговорено, чтоб оне за кривых парней замуж угодили. Иль на меня тут порча. А на тебя — нет. Ты стара, чужая. И на тебя лучше не повлияют, с большого расстоянья тебе не грозит.

— Надо Сидорова мальчишку позвать. Он сразу попадёт.

— Что ты?! Груня! Не вздумай им говорить! Сидоровы узнают — нас на смех подымут. Чай, оне сроду зубоскалы.

Опять молчком сидим. Ну, Дуся правда нет-нет — да и забормочет:

— Ты без очков ходишь. Может, разок стрельнёшь — в яйцо-то? В сторону его собьёшь? Всё же — руками не тронешь. Тебе совсем оно безопасно. Не то, что нам.

— Твоё яйцо — ты и стреляй. Не моё дело!

Ладно. Она теперь всё заново перекумекала, да и говорит:

— Вот я тебя, Груня, поняла. Раскусила ведь я тебя... Если ты наколдовала, тебе в яйцо стрелять, конечно, никак нельзя. А твоё колдовство против тебя обернётся. Вот ты и упирасси... Да! К тебе самой, Аграфена, оно тогда возвратнётся! Как неликвид.

О-о-о! Растуды твои качели... Провалились бы вы пропадом, все подружки задушевные! Чтоб я ещё зашла — хоть к одной?! Нет. Нет! И нет.

— Куды стрелять?

— В яйцо!.. Вон и камушек хороший лежит... Самый тебе подходящий, по-моему.

— Я опять в погреб не полезу!

— А зачем тебе в него лезть? Ты на край ляг! Локтями-то в землю упрёсси, я тебя за ноги удержу. И в погреб-то пальнёшь... Нет, Груня! Ты так сверху не попадёшь! Ползи! Чувяки не потеряй. Свесилась бы ты вот так. Целься в него... Сильней натягивай!..

Ну, тут уж и я — возропта-ла! Распоследними словами эту Дусю изругала... От грузчиков я таких слов не слыхала, не то что от себя. Встала я во весь свой рост! Отряхнулась! И вот — веришь-нет? Попала! С девятого раза — попала...

А яйцо это — одна пустая скорлупка была. Оно и разлетелось: фыр! В нём уж всё колдовство давно высохло...

Тут опять мы с Дусей-то обнялись! И настал у нас праздник!

Я под яблоней умылась, утёрлась — и сели мы за самовар! С горюдскими конфетками чай пить! Майка — с нами за столом, хлопочет. А Юлька на сундуке лежит, в книжку сквозь очки смотрит.

— Аграфена! — Дуся-то сама себе не верит. — Как ведь точно ты в него заряд-то встремила! В солдаты тебя надо отдать... Полна теперь свобода у нас! А то исподтишка оно всё равно уж — действовало! Вон, Юлька у нас вроде как заговариваться стала... Слышь, чего Юлька-то говорит? Желток в яйце — он Солнце! А дальше-то, Юльк, как?

— Бабуль, ты не поймёшь... Считай, что яйцо — это своя Солнечная система. Символ самовозражающей жизни...

И листики токо переворачиват: уж больно грамотна!

Ну, мы над Юлькой, конечно, посмеялись:

— Высох уж он изнутри — весь наш символ...

— Може, и систему нашу Солнечну кто заколдовал? Если она, система, яйцо? — говорим. — Как-то нечиста сила сидит в своём углу, за морями, за долами, да на неё порчу насылат?

— А что, може, кто и колдует!.. На солнышко. А мы тут бесимси, как дураки...

Так, повеселились маленько.

И только я из ворот вышла,

как сзади меня — топот, крик:

— Баушка! Отдай рогатку... Баушка, отдай рогатку!..

Мальчишка Сидоров мимо пробегал. Ну, схватил её из моих рук — и умчалси с ней со всех ног! Радёхонькай...

И до дому кой-как я дошаркала: устала-а-а — ровно в поле убралась! Зато спала — как убита. Уж больно хорошо выспалась. А с утра вышла... Погоди, не перебивай!.. Солнышко опять играло, как на Пасху! И такой хороший денёк выдалси! Я и отправилась — к Сидоровым. За цыганской иглой. А то оне про неё забудут, она у них и приживётся, с толстым-то ушком со своим... Да и думаю: к Дусе надо зайти — выдохлось, что ль, у них колдовство-то за ночь? Или нет?

Гляжу — девчонки на заднем огороде землю копают, от солнышка приплаточились. Работают. В резиновых перчатках... Вот! Видишь, как? Хотят-не хотят — а копают! Что значит, баушкино слово — закон!

А самой Дуси во дворе не слышать. И совсем уж я к ним в дом, считай, взошла! Да и развернулась... А что я подхватила — и сама не знаю. Вот, ты скажи: это какой шут меня к погребу понёс?

Свесилась я вниз, пригляделась...

А там, на картофельной куче, на вершине на самой... Яйцо!!!